

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПСИХОЛОГИИ И ДРУГИХ НАУК О ЧЕЛОВЕКЕ

УДК 159.922.1+316.6

Ветерок Екатерина Владимировна

*кандидат психологических наук, доцент кафедры практической и специальной психологии, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, severus.snegg.1997@gmail.com
ORCID ID: 0000-0003-4303-1985*

ПРОБЛЕМА ПОЛОВОЗРАСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ВИКТИМНОСТИ В ЗАРУБЕЖНЫХ И ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Аннотация. Исследование направлено на изучение теоретико-практической проблемы половозрастных особенностей виктимности. Рассматривается ряд определенных понятия виктимности в контексте отечественных и зарубежных работ. Дается общая характеристика основных проявлений виктимности личности. В процессе исследования проведен аналитический обзор зарубежных и отечественных статей, в которых освещаются особенности виктимности у лиц мужского и женского пола. Описаны результаты различных современных научных исследований, посвященных выявлению особенностей виктимности на протяжении онтогенеза. Проанализированы взаимосвязи виктимности с различными социально-психологическими феноменами, среди которых условия жизни, социальный статус, психологическое благополучие, социальное взаимодействие, посттравматический стресс и т. д. Сделаны выводы о специфике полоролевых различий в проявлении виктимности у подростков и взрослых.

Ключевые слова: виктимность, виктимизация, половозрастные особенности.

Ekaterina Vladimirovna Veterok

*Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Practical and Special Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, severus.snegg.1997@gmail.com
ORCID ID: 0000-0003-4303-1985*

THE PROBLEM OF GENDER AND AGE CHARACTERISTICS OF VICTIMIZATION IN FOREIGN AND DOMESTIC RESEARCH

Abstract. This study is aimed at studying the theoretical and practical problem of gender and age characteristics of victimization. A number of definitions of the concept of victimhood in the context of domestic and foreign works are considered. A general description of the main manifestations of victimization of the individual is given. In the course of the study, an analytical review of foreign and domestic articles was conducted, which highlight the features of victimization in male and female individuals. The results of various modern scientific studies devoted to identifying the features of victimization during ontogenesis are described. The author analyzes the relationship of victimization with various socio-psychological phenomena, including living conditions, social status, psychological well-being, social interaction, post-traumatic stress, etc. Conclusions are

drawn about the specifics of gender-role differences in the manifestation of victimization in adolescents and adults.

Keywords: victimization, victimization, gender and age characteristics.

Преобладание в современном социальном пространстве различных кризисных процессов обуславливает необходимость решения проблемы приспособления субъекта к условиям функционирования в обществе, связанного с высокой уязвимостью личности к негативным внешним влияниям. Несоответствие между негативным экстернальным воздействием и способностью индивида преодолевать социально-психологические риски выступает как потенциальный предиктор формирования виктимности. Теоретический анализ научных работ, посвященных проблеме виктимности, показывает, что ее изучением занимались такие исследователи, как О. О. Андронникова [1], А. А. Стреленко [4], Е. С. Фоминых [5], М. Г. Яковлева [6], N. Ellonen, V. Salmi [8], S. Moore, R. Maclean [13] и др. Многообразие современных подходов, объясняющих различные аспекты виктимности, обуславливает актуальность данного исследования, посвященного анализу проблемы половозрастных особенностей виктимности в зарубежной и отечественной науке.

В современной научной литературе представлены различные дефиниции понятия «виктимность», имеющие различную специфику в зарубежных и отечественных источниках. В зарубежной науке изучаемый феномен рассматривается в контексте агрессивного и деструктивного поведения как взаимодействие жертвы и агрессора, преимущественно среди детей и подростков [17]. В частности, E. Homer, B. Fisher, T. Mowen [9] утверждают, что школьная виктимизация ежегодно затрагивает относительно небольшую долю учащихся, но такая виктимизация может иметь долгосрочные последствия для жизненного пути ребенка, включая окончание средней школы и поступление в колледж. При этом, по мнению авторов, участие со стороны родителей может нивелировать вредные последствия виктимизации. Результаты исследования показали, что виктимизация не влияет на окончание средней школы или поступление в колледж. Взаимосвязь между виктимизацией учащихся и результатами обучения частично регулируется вовлеченностью со стороны родителей. N. Ellonen, V. Salmi [8] отмечают, что виктимизация чаще всего происходит среди одних и тех же подростков, имеющих определенный виктимный профиль. Авторы изучили специфику проявления виктимности среди финских школьников шестых и девярых классов с учетом психосоциального благополучия детей. В исследовании рассматриваются индивидуальные и семейные характеристики, которые связаны с виктимностью детей. Результаты исследования показывают, что виктимность в данной выборке коррелирует с более высокими уровнями психосоциальных проблем, что подтверждает взаимосвязь виктимности с условиями жизни детей.

По мнению С. Pinto-Cortez с соавторами [18], виктимность является распространенной проблемой среди молодежи на севере Чили. С помощью анкеты по вопросам виктимизации несовершеннолетних авторами была обследована выборка из 706 подростков в возрасте от 12 до 17 лет. Результаты показали, что 89 % участников хотя бы раз в жизни испытали виктимизацию. Подросткам свойственен более высокий риск виктимизации. Процент виктимизации чилийских подростков был выше, чем в Европе или Северной Америке. Результаты подтверждают необходимость оценки множественных форм виктимизации, которые затрагивают подростков, и определения их приоритетности при разработке форм сопровождения с учетом различий по полу и возрасту.

По мнению E. Papafratzeskakou с соавторами [16], существуют полоролевые различия в проявлениях виктимности в подростковом возрасте. Авторы изучали взаимосвязи между виктимностью, полом, симптомами депрессии и поддержкой со стороны родителей и сверстников. Исследование показало, что уровень виктимизации выше среди подростков мужского пола, в то время как подросткам женского пола удается совладать с проявлениями виктимизации более успешно. Данное исследование проясняет последствия виктимизации в контексте психического здоровья, демонстрируя роль поддержки сверстниками.

По мнению T. Kulig с соавторами [11], виктимность у подростков связана с таким психологическим феноменом, как низкий самоконтроль. Авторы провели исследование на выборке из 1901 ученика средней школы и обнаружили, что низкий самоконтроль предполагает склонность к виктимному поведению, но не участие в виктимном процессе. Бразильские ученые установили, что виктимизация может способствовать развитию симптомов посттравматического стрессового расстройства. Исследование показало наличие взаимосвязей между индивидуальными характеристиками, жизненным опытом и развитием симптомов посттравматического стрессового расстройства с использованием порядковой модели логистической регрессии у студентов государственного университета, расположенного в штате Сан-Паулу, Бразилия. В частности, авторы обнаружили, что существенными переменными для регрессионной модели были возраст, продолжительность неблагоприятного опыта, а также виктимизация.

Исследование Y. Odenbring с соавторами [15] показало, что виктимизация часто оказывает негативное воздействие на молодежь и детей, повышая для них риск неблагоприятных последствий. Дети, подвергшиеся виктимизации, часто имеют больше академических и поведенческих проблем в школе, чем другие дети. При этом авторы отмечают, что доверие является средством к вовлечению родителей и построению отношений между учениками, родителями и учителями.

S. Mooge, R. Maclean [13] отмечают, что важную роль в виктимизации подростков играет временной период до и после школьного дня. Это период, когда большинство молодых людей среднего школьного возраста из разных слоев общества, с разными интересами и стандартами поведения взаимодействуют друг с другом по пути в школу. Для большинства подростков данный период предполагает отсутствие контроля со стороны взрослых и учителей, что является риском для виктимизации детей средних школ во время поездок в школу и обратно. В ходе исследования были собраны количественные данные об уровне виктимизации и реакции на нее. Исследование показало, что примерно 20 % подростков подвергались преследованиям. Лишь небольшой процент подростков, от 3 до 4 %, регулярно становятся жертвами. Подростки переживают виктимизацию без помощи взрослых, ожидая поддержки от сверстников.

С точки зрения L. Lester с соавторами [12], хроническая виктимизация в подростковом возрасте отрицательно сказывается на психическом здоровье, поэтому крайне важно понимать ключевые прогностические факторы социального здоровья. Исследование свидетельствует о том, что последствия виктимизации усиливаются при переходе из начальной в среднюю школу. Лонгитюдные данные по 1810 учащимся были использованы авторами для определения групп траектории виктимизации. Подростки с более низким социальным здоровьем чаще попадали в растущую и стабильную группу виктимизации. Результаты этого исследования имеют значение для типа и сроков школьных мероприятий, направленных на снижение виктимизации, и ущерба, причиняемого длительным воздействием.

Ряд зарубежных исследователей занимались изучением проявлений виктимности у взрослых. L. Wallace, K. Menard [21] проанализировали влияние виктимизации на отношение к себе и на отношения с другими людьми. Исследование показало, что виктимность связана с сужением круга общения. При этом обнаружено, что в большей степени данные взаимосвязи проявляются у лиц женского пола, а также у лиц с выраженными депрессивными симптомами. Исследование M. Nobles с соавторами [14] было направлено на изучение специфики виктимизации в контексте преследования. Авторы рассматривают преследование как повторяющееся негативное поведение, когда агрессор преследует жертву два и более раза и когда жертва воспринимает поведение как нежелательное и пугающее. Исследователи отмечают, что распространенность преследования в течение всей жизни среди выборки из 8000 женщин составляет от 8 % до 12 % и от 2 % до 4 % среди выборки из 8000 мужчин, в то время как распространенность преследований среди студентов колледжей составляет от 6 % до 27 %. Средний уровень преследования колеблется от 13 % до 30 % для студенток колледжа и от 11 % до 19 % для студентов мужского пола. Также авторы утверждают, что $\frac{2}{3}$ жертв испытывали преследование еженедельно, ежедневно или несколько раз в день. По мнению авторов, жертвы преследования часто испытывают различные физические и психологические последствия.

Например, психологические эффекты преследования часто включают чувство паранойи, страха, беспокойства и симптомы посттравматического стресса, тогда как физические симптомы могут включать нарушение аппетита, головные боли, приступы астмы, стойкую тошноту и хроническое нарушение сна. Примечательно, что эти симптомы в значительной степени совпадают с посттравматическим стрессовым расстройством, что указывает на серьезность и стойкость негативных последствий, которые испытывают некоторые жертвы преследования. Учитывая, что жертвы преследования часто испытывают ряд травмирующих последствий от неоднократных преследований, преследование является важной проблемой для общества. При этом жертвы преследования могут столкнуться с разными переживаниями. Например, преследование часто состоит из множества действий, которые существенно различаются по частоте и продолжительности. Изучая половозрастные и психологические особенности жертв, авторы установили, что жертвы обычно моложе преследователей (до 29 лет), возраст последних более разнообразен.

В процессе проведения эмпирического исследования виктимизации M. Nobles с соавторами [14] был разработан обширный интернет-опрос студентов колледжа. Обследование состояло из модифицированных версий ранее проверенных шкал, касающихся преследований и виктимизации, а также демографических вопросов. Участников опроса спрашивали об их опыте в текущих или прошлых эпизодах преследования, в которых они были жертвой, а также в эпизодах, в которых они были преследователями. По результатам исследования 27 % респондентов признали, что были жертвами преследований в течение своей жизни. 23,4 % жертв преследования составляли мужчины и 76,2 % – женщины. 79 % жертв преследований были белыми, 6,4 % – негроидной расы, 5,6 % – азиатами и 8,1 % указали свою расу как «другую». 5,8 % респондентов признали, что преследовали их в течение жизни. Полоролевые различия показывают, что многие мужчины (почти четверть выборки) становятся жертвами преследований, но большинство жертв – женщины. Этот вывод подтверждает предыдущие исследования, согласно которым женщины чаще становятся жертвами преследований, чем мужчины. Однако значительное число жертв мужского пола указывает на то, что преследование нельзя рассматривать как

риск только для женщин. 36 % преследователей – мужчины, а 64 % – женщины. Это указывает на то, что мужчины менее склонны преследовать, чем женщины.

Авторы выявили, что более 80 % преследователей были белыми, 8,1 % – негроидной расы, 3,6 % – азиатами и 7,2 % указали свою расу как «другую». 18 % выборки сообщили о виктимизации, при этом 25 % жертв были мужчинами и 75 % – женщинами. Для людей, которые сообщили, что они стали жертвами преследования, частота случаев преследования колебалась от двух до двадцати событий. Среди жертв женщины сообщили лишь о немного более частой виктимизации по сравнению с мужчинами. Женщины совершали меньше действий, связанных с преследованием, чем мужчины. 41,97 % жертв и 54,1 % преследователей сообщают о своем первом опыте преследования в возрасте от 18 до 22 лет. Женщины раньше подвергались виктимизации по сравнению с мужчинами. Результаты по продолжительности показывают, что преследование, по-видимому, является единичным случаем как для жертв, так и для преступников. Большинство лиц, участвовавших в преследовании, сообщили только об одном эпизоде, и большинство также сообщили, что эпизод длился примерно один месяц. Косвенные данные подтверждают представление о преследовании как о ситуационном акте, который имеет тенденцию происходить изолированно от других эпизодов преследования, а не как о деятельности, которая происходит с относительной частотой и длительностью на протяжении всей жизни.

D. Isom Scott [10] отмечает, что виктимизации подвержены как лица женского пола, так и мужского. Исследование показало, как чернокожие, латиноамериканские и белые девушки переживают и реагируют на прямую и косвенную виктимизацию. Результаты дают представление о различных способах, с помощью которых молодые женщины разной расы переживают виктимизацию и эмоционально реагируют на нее. Полученные данные свидетельствуют о значительных различиях в опыте косвенной виктимизации, но не в опыте прямой виктимизации между молодежью разной расы. Более того, опыт виктимизации по-разному влияет на вероятность совершения правонарушений молодыми женщинами в зависимости от их расы или этнической принадлежности. Таким образом, хотя в опыте молодых женщин есть общие черты, это исследование подчеркивает, что существует также много различий. Следовательно, универсальный подход не может разрешить сложности виктимизации.

M. Simmler, M. Stempkowski, N. Markwalder [19] провели исследование виктимизации среди сотрудников полиции. Авторы отмечают, что работа в силовых структурах связана с высоким уровнем риска, и сотрудники полиции часто становятся жертвами при исполнении служебных обязанностей. Однако показатели виктимизации значительно различаются внутри полицейского корпуса и зависят от ряда личных и ситуационных переменных. Это исследование основано на опросе сотрудников полиции в кантоне Санкт-Галлен, Швейцария. Результаты показали, что существенной разницы между мужчинами- и женщинами-офицерами с точки зрения виктимизации не было. При этом офицеры, не имевшие опыта виктимизации в течение трех лет, предшествовавших опросу, демонстрировали значительно более высокие уровни агрессивного поведения, чем их преследуемые коллеги.

По мнению J. Soares с соавторами [20], существуют демографические и социально-экономические характеристики виктимизации, а также особенности психического и физического здоровья у подвергшихся виктимизации мужчин. Авторы отмечают, что виктимные мужчины, по сравнению с не виктимными, моложе, у них более высокий средний уровень образования. Они чаще являются служащими,

более склонны к аддиктивному поведению и чаще сообщают о головных болях, депрессии, напряжении и когнитивных проблемах. А. Ahmed, E. Lång [7] провели исследование, которое показало, что лица с виктимным поведением имеют более высокий уровень безработицы, более низкие заработки и часто оказываются в условиях текучести кадров, что может быть обусловлено наличием психологических травм. Авторы считают, что это может быть связано с негативным восприятием работодателями виктимных служащих, которые ассоциируются у них с низкой производительностью или нестабильной жизненной ситуацией.

Обобщая данные современных зарубежных исследований можно предположить, что понимание виктимности в данном научном пространстве включает в себя взаимодействие жертвы и агрессора, имеющее негативные последствия для физического и психологического здоровья жертвы, ее профессионального становления и социализации в целом.

В отечественной науке виктимность рассматривается как ролевая позиция субъекта, обусловленная психофизиологическими и психологическими особенностями индивида, снижающая уровень психологического здоровья и корректируемая посредством различных психотерапевтических технологий [2; 3]. Соответственно, на основе теоретического анализа научной литературы можно утверждать, что виктимность представляет собой сложный психологический феномен, зависящий от различных социальных и личностных особенностей индивида, оказывающий негативное влияние на психологическое здоровье субъекта, его профессиональную сферу и возможности самореализации в социуме.

Таким образом, в современной научной литературе представлены различные дефиниции понятия «виктимность», имеющие различную специфику в зарубежных и отечественных источниках. В зарубежной научной литературе виктимность определяется в рамках враждебного и дестабилизирующего поведения как взаимодействие агрессора и жертвы, в основном среди детей и подростков.

Авторы подчеркивают, что существуют полоролевые различия в проявлениях виктимности в подростковом возрасте. Исследование показало, что уровень виктимизации выше среди подростков мужского пола. Ряд зарубежных исследователей занимались изучением проявлений виктимности у взрослых. Исследование показало, что виктимность связана с сужением круга общения. При этом обнаружено, что в большей степени данные взаимосвязи проявляются у лиц женского пола, а также у лиц с выраженными депрессивными симптомами. В отечественной науке виктимность понимается как ролевая позиция индивида, детерминированная психофизиологическими и личностными характеристиками субъекта, которая препятствует психологическому благополучию и успешной самореализации в социуме. Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные эмпирические данные могут быть использованы для оптимизации процесса психологического сопровождения лиц, склонных к виктимному поведению, с учетом их половозрастных особенностей.

Список литературы

1. Андронникова О. О., Ветерок Е. В. Гендерные характеристики виктимного поведения как результат нарушения социального развития [Электронный ресурс] // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 3-1 (57). С. 111–113. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28825795> (дата обращения: 15.04.2021).

2. Андронникова О. О., Ветерок Е. В. Психологическое благополучие и здоровье как актуальная потребность современного человека в рамках девиктимизации [Электронный ресурс] // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 1 (65). С. 72–76. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskoe-blagopoluchie-i-zdorovie-kak-aktualnaya-potrebnost-sovremennogo-cheloveka-v-ramkah-deviktimizatsii> (дата обращения: 15.04.2021).

3. Ветерок Е. В., Перевозкина Ю. М., Андронникова О. О. Рольевые виктимные характеристики мужчин и женщин с разным профилем функциональной асимметрии мозга [Электронный ресурс] // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. № 5 (33). С. 88–101. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rolevye-viktimnye-harakteristiki-muzhchin-i-zhenschin-s-raznym-profilem-funktsionalnoy-asimmetrii-mozga> (дата обращения: 12.04.2021).

4. Стреленко А. А. Детско-подростковая виктимность как социально-психологическое явление [Электронный ресурс] // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 5 (42). С. 222–224. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/detsko-podrostkovaya-viktimnost-kak-sotsialno-psihologicheskoe-yavlenie> (дата обращения: 12.04.2021).

5. Фоминых Е. С. Психологические механизмы виктимности [Электронный ресурс] // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2014. № 5. С. 116–120. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21577624> (дата обращения: 15.04.2021).

6. Яковлева М. Г. Возраст как предпосылка виктимизации человека [Электронный ресурс] // Виктимология. 2016. № 2 (8). С. 22–25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozrast-kak-predposylka-viktimizatsii-cheloveka> (дата обращения: 15.04.2021).

7. Ahmed A. M., Lång E. Victimized Twice: A Field Experiment on the Employability of Victims // *Victims & Offenders*. 2019. Vol. 14, Issue 7. P. 859–874. DOI: <https://doi.org/10.1080/15564886.2019.1641449>

8. Ellonen N., Salmi V. Poly-Victimization as a Life Condition: Correlates of Poly-Victimization among Finnish Children // *Journal of Scandinavian Studies in Criminology and Crime Prevention*. 2011. Vol. 12, Issue 1. P. 20–44. DOI: <https://doi.org/10.1080/14043858.2011.561621>

9. Homer E. M., Fisher B. W., Mowen T. J. Examining the Moderating Role of Social Bonds in the Relationship between School Victimization and Educational Attainment // *Victims & Offenders*. 2020. Vol. 15, Issue 5. P. 663–683. DOI: <https://doi.org/10.1080/15564886.2020.1771494>

10. Isom Scott D. A. Disentangling the Impact of Female Victimization Across Racial and Ethnic Lines // *Victims & Offenders*. 2018. Vol. 13, Issue 5. P. 711–737. DOI: <https://doi.org/10.1080/15564886.2018.1468369>

11. Kulig T. C., Pratt T. C., Cullen F. T. [etc.] Explaining Bullying Victimization: Assessing the Generality of the Low Self-Control/Risky Lifestyle Model // *Victims & Offenders*. 2017. Vol. 12, Issue 6. P. 891–912. DOI: <https://doi.org/10.1080/15564886.2017.1307297>

12. Lester L., Cross D., Dooley J. [etc.] Developmental trajectories of adolescent victimization: Predictors and outcomes // *Social Influence*. 2013. Vol. 8, Issue 2-3. P. 107–130. DOI: <https://doi.org/10.1080/15534510.2012.734526>

13. Moore S., Maclean R. Victimization, friendship and resilience: crossing the land in-between // *Pastoral Care in Education*. 2012. Vol. 30, Issue 2. P. 147–163. DOI: <https://doi.org/10.1080/02643944.2012.679956>

14. Nobles M. R., Fox K. A., Piquero N. [etc.] Career Dimensions of Stalking Victimization and Perpetration // *Justice Quarterly*. 2009. Vol. 26, Issue 3. P. 476–503. DOI: <https://doi.org/10.1080/07418820802427833>

15. Odenbring Y., Johansson T., Lunneblad J. [etc.] Youth victimisation, school and family support: schools' strategies to handle abused children // *Education Inquiry*. 2015. Vol. 6, Issue 2. DOI: <https://doi.org/10.3402/edui.v6.26417>

16. *Papafratzeskakou E., Kim J., Longo G. S.* [etc.] Peer Victimization and Depressive Symptoms: Role of Peers and Parent–Child Relationship // *Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma*. 2011. Vol. 20, Issue 7. P. 784–799. DOI: <https://doi.org/10.1080/10926771.2011.608220>

17. *Pegolo de Albuquerque P., Cavalcanti de Albuquerque Williams L.* Predictor Variables of PTSD Symptoms in School Victimization: A Retrospective Study with College Students // *Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma*. 2015. Vol. 24, Issue 10. P. 1067–1085. DOI: <https://doi.org/10.1080/10926771.2015.1079281>

18. *Pinto-Cortez C., Pereda N., Álvarez-Lister M. S.* Child Victimization and Poly-Victimization in a Community Sample of Adolescents in Northern Chile // *Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma*. 2018. Vol. 27, Issue 9. P. 983–1002. DOI: <https://doi.org/10.1080/10926771.2017.1410748>

19. *Simmler M., Stempkowski M., Markwalder N.* Punitive attitudes and victimization among police officers in Switzerland: an empirical exploration // *Police Practice and Research*. 2021. Vol. 22, Issue 2. P. 1191–1208. DOI: <https://doi.org/10.1080/15614263.2019.1697264>

20. *Soares J. J. F., Macassa G., Miranda J.* [etc.] Health among lifetime victimized men // *International Journal of Circumpolar Health*. 2007. Vol. 66, Issue 4. P. 351–364. DOI: <https://doi.org/10.3402/ijch.v66i4.18278>

21. *Wallace L. N., Ménard K. S.* Friendships Lost: The Social Consequences of Violent Victimization // *Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma*. 2017. Vol. 26, Issue 2. P. 116–136. DOI: <https://doi.org/10.1080/10926771.2016.1250852>

Дата поступления статьи: 01.05.2021

